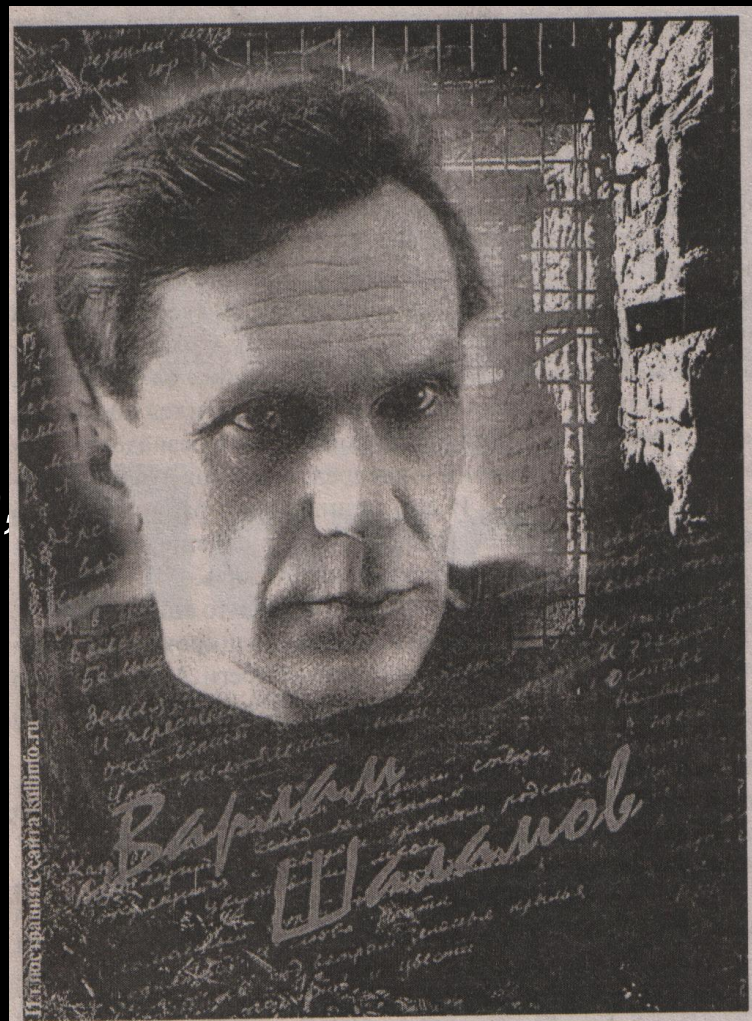

Варлам Шаламов

(1907 – 1982, 17 января)

*"Говорят, мы мелко пашем,
Оступаясь и скользя.
На природной почве нашей
Глубже и пахать нельзя.
Мы ведь пашем на погосте,
Разрыхляем верхний слой.
Мы задеть боимся кости,
Чуть прикрытые землей."
(«Жар-птица»)*

...Варлам Тихонович Шаламов родился в 1907 году в Вологде, в семье священника. Отец его был человеком прогрессивных взглядов, поддерживал связи со ссыльными, жившими в Вологде. В своей автобиографической повести о детстве и юности "Четвертая Вологда" Шаламов рассказывает, как формировались его убеждения, как жажда справедливости стала для него чем-то вроде навязчивой идеи.

- В 1924-м Шаламов уезжает в Москву и, два года проработав дубильщиком на кожевенном заводе, поступает в МГУ на факультет советского права, при этом активно участвуя в бурлящей столичной жизни: митинги и литературные диспуты, демонстрации и чтение стихов...
- 19 февраля 1929 года Шаламов был арестован за "антисоветскую пропаганду" и был приговорен к трем годам лагерных работ на Северном Урале.
- «Вернулся в Москву в 1932 году «и крепко стоял на всех четырех лапах». Стал работать в журналах, писать, перестал замечать время, научился отличать в стихах свое и чужое... Готовилась книжка рассказов. План был такой: в 1938 году первая книжка прозы. Потом вторая книжка. Сборник стихов».

Варлам ШАЛАМОВ

Лёша Чеканов, или Однодельцы на Колыме

* * *
Я забыл погоду детства,
Теплый ветер, мягкий снег.
На земле, пожалуй,
средства
Возвратить мне детство нет.

И осталось так много
В одной памяти моей —
Васильковые дороги
В красном солончаке
Дорожки в ямки.

Запах ягоды-кислицы,
Можжевельных уступов
И желтых
как больница,
Подсыхающих цветов.

Это всё ною в себе,
И в любой люблю стране.
Этим сердцем утешаю
Если горько было мне.

Жар-птица
Ты — витанье небесных,
Бормотанье по ночам,
Ты — соперник моего
Разговорчивого чума.

Ты — полет стрелы каленой,
Откровенной сказки дар
И внезапно заземленный
Ослепительный удар.

Чтоб в его мгновенном свете
Открывались те черты,
Что держала жизнь

"В ночь на 12 января 1937 года мою дверь постучали..."

«Пять лет колымских лагерей. Золотые прииски, таежные «командировки». Больничные койки. Бухта Чагаево, прииск «Партизан», Черное озеро, Аркагала, Джелгала...»

Лёша Чеканов, потомственный хлебороб, техник-электромеханик, вальщик леса, механик на парам 69-й камеры Бутырской тюрьмы весной и летом 1937 года... Так же, как и многим другим, я как староста камеры оказал Лёше Чеканову первую помощь: сделал ему первый укол, инъекцию эликсира бодрости, надежды, любви, красоты и счастья. Он был бледен, как мрамор, карштенного состава, необходимо человеку в тюрьме. Именно тогда, когда я почувствовал, что в вековом опыте им отказать нельзя, я начал выписывать три записки: не бойся и не проси.

Душа Лёши Чеканова была крепкая и не боялась в июле в дальние колымские края. Лёша был осужден в один и тот же день со мной, осужден по одной статье на одинаковый срок. Нас везли на Колыму в одном вагоне. Мы мало оценили коварство начальства — из земнотоя Колыма должна была

технических врагов государства — вот главная роль бригадира на приисках, да еще он так и мечтал о побеге из лагеря уничтожения. Бригадир тут защитит и может удержать человека в лагере, но не может ввернуть его в небо и вверх, держаться за все соломинки, которые бросает ему судьба, твой единственный призрачный спасения губит людей.

Он был бледен, как мрамор, карштенного состава, но только в тех пределах, которые ему позволяла природа. Она подстраивалась к нему, на приисках далеко не едешь, мажешь дер в очередном замесе, заблуждаешься, афансированные кубики, и тогда бригадир... Бригадир и староста, проверенному, по надежному пути — выбивать эти кубики из работяг-доходяг, выбивать в самом реальном физическом смысле — кайлом по спине, и как только выбивать становится нечего, бригадир, казалось бы, должен ехать работягой, сам раз-

более высокий, чем бригадир. Десятник уже прошел кировский, сибирский путь. Вальщик лесной работы беспредельна. В колеблющемся свете лампы с конзипинкой, которая била с чужими трубочками с горящими фитилями из лампы, единственный, но не единственный, свет для колымских работяг и доходяг — я разглядел только на фоне фигуры десятника, нового хозяина нашей жизни и смерти.

Вот тогда, в давнем прошлом, когда мой первый сорвode стихов. Какая-то более важная, более вечная, чем скандал, мысль на меня нахлынула, звенела, но никак не могла вырваться в мой тогдашний довар, на какие-то мысли, куски мозга, которыми еще пользовался мозг доходяги. Чьи-то железные пальцы давили память как тубик с испорченным клеем, выдавливая, выгоняя вверх каплю, капелюку, которая еще сохранила человеческие свойства.

Этот процесс происходил

тот рубеж, после которого всё лежит по ту сторону добра и зла, и самый процесс «доплавания» убыстряется лавиной. Цепная реакция, выражаясь современным языком. Тогда мы не знали об атомной бомбе, о Хиросиме и Ферми. Но неустойчивость, необратимость «доплавания» была нам известна отлично.

Потому-то и была такая небольшая статистика и многоцелевые мемуарах точная, исторически добытая формула: человек может доплыть в течение двух недель». Это норма для силча, если его держать на работе по четырнадцать часов на тяжелой работе, бить, корчить, как лагерным пайком и не давать спать.

Я всё это знал, понимал, но в один момент мне скитался от больницы до забоя и обратно восемь лет. Своего рода испытание. Вспоминаю, что в те моменты провидения привела Лёшу Чеканова в наш барак. Я только что заснул крепким веселым сном со смутным ощущением какого-то радостного события, которое вот-вот наступит.

По лицу Лёши Чеканова было ясно видно, что он меня узнал и, конечно, помнил. Лёша Чеканов тогда улыбнулся. У бригадира он тут же оказался в моем тридцатом помещении. Характеристика была дана

людьми, телами строителя. Здесь и началась одна из моих страстей.

Каждый день на глаза всей бригады Сергей Полупан меня бил: ногами, кулаками, поленом, рукояткой кайла, лопатой. Выбивал у меня грамотность. Битье повторялось ежедневно. Бригадир Полупан носил телнячку, куртку, зовую куртку из телячьей шкуры — чей-то подарок или взятка, чтобы откупиться от кулаков, вымолить отдых хоть на один день.

Разгорячившись, Полупан снимал куртку и оставался в телогрейке, управляясь с ломиком и кайлом еще более свободно. Полупан выбил у меня несколько зубов, надломил ребро. Утренние избиения продолжались столько времени, сколько пробыл на этом прииске, и «Спокойном»...

По рапорту бригадира Полупана, утвержденному начальником прииска и начальником ОЛПа, я был отправлен в Центральное северное управление — в поселок Ягодный как злостный флинт для возбуждения уголовного дела и нового героя. Я свалил в юлы в Ягодном под следствием, завелось дело, шло допросы. Инициатива Лёши Чеканова обозначилась достаточно ясно.

Валда весна сорок четвертого, аркагаламская весна, наивная весна. В аркагаламской весне я спелелся на работу, стрелы шарики, а вот аркагаламская весна...

- В 1957 году Шаламов был реабилитирован, вернулся в Москву и, работая в журнале "Москва" внештатным корреспондентом, печатал очерки и зарисовки. Другими редакциями рассказы Шаламова возвращаются - их не устраивает шаламовский "абстрактный гуманизм". Писатель переживает его чрезвычайно тяжело, он чувствует себя ненужным обществу.

- Он был освобожден в 1951-м, но уехать на "материк" не смог.
- В 1952 году волею случая завязывается пятилетняя переписка с самим Борисом Пастернаком, где, по моему личному мнению, Шаламову удалось блеснуть своим писательским мастерством.

- Но он продолжает серьезно работать - в 1961 году выходит в свет сборник стихов "Огниво", в 1964-м - "Шелест листьев", в 1967-м - "Дорога и судьба".
- Еще через четыре года дописана повесть "Четвертая Вологда" (1971), в 1973-м году завершена работа над "Вишерой", "Федором Раскольниковым" и сборником рассказов "Перчатка". Шаламов работал до последних дней - даже в тяжелейшем состоянии здоровья он диктовал стихи и воспоминания.
- Зиму он не любил. Зимой он часто болел, простужался. 17 января 1982 года Шаламов умер.

- В 1987 появились первые серьезные публикации его прозы и стихов из колымских тетрадей. Общество внезапно заинтересовалось его работами, и появились издания сборников "Колымские рассказы", "Левый берег", "Артист лопаты", "Очерки преступного мира", "Воскрешение лиственницы", "Перчатка, или КР-2". Над этой эпопеей автором велась с 1954 по 1973 год - к ней примыкают также "Воспоминания" о Колыме и "Антироман", включающий в себя цикл рассказов о лагерях Вишеры.
- Рассказ «Белка», «Воскрешение лиственницы»

